

Общий вид Буэнос-Айреса.

МУЗЫКА МИРА

Татьяна НИКОЛАЕВА

Остались позади месяцы пребывания в Южной Америке, но снова и снова звучат в моей памяти протяжные напевы аргентинской степи — пампы, песни уругвайских пастухов, страстные стоны бразильских романсеро. Во время поездки в Южную Америку я познакомилась с музыкой талантливых народов этого далекого от нас материка. Но вслед за этими впечатлениями встают в памяти картины встреч с людьми, поездок по горам и степям столь непохожей на наши края части света. А через эти воспоминания приходит главное: ощущение стремления всех народов к миру, дружбе, согласию.

Международный кинофестиваль происходил в аргентинском курортном городе Мар-дель-Плата. К фестивалю приурочивались и концертные выступления советских музыкантов. Честь представлять наше музыкальное искусство выпала Давиду Федоровичу Ойстраху, Владимиру Ефимовичу Ямпольскому и мне.

После долгого пути: Москва — Прага — Брюссель — Париж — Лиссабон — Дакар — Рио-де-Жанейро — наш самолет наконец приземлился на аэродроме Эсейсо, возле Буэнос-Айреса. Аэродром расположен почти в 60 километрах от аргентинской столицы; несмотря на это, советских артистов пришли встречать толпы

народа. Они заполнили всю площадь перед аэровокзалом, облепили его балкон. Нас забрасывали цветами, приветствовали возгласами: «Артисты мира! Посланцы дружбы!» — и все это выражалось с горячей южной экспансивностью.

Прежде чем выехать в Мар-дель-Плата, мы пробыли неделю в Буэнос-Айресе. Нам предстояло провести репетиции с муниципальным оркестром столицы, который должен был сопровождать нас на фестиваль. Ойстрах репетировал с оркестром скрипичный концерт Чайковского, я — Второй концерт Рахманинова. Репетиции шли в подвале столичного оперного театра «Колон»: другого помещения оркестр не имеет; в зале театра ему разрешается проводить только генеральные репетиции. Было тесно, душно, в подвале стоял старенький рояль без крышки, но оркестранты проявили столько горячего участия к нам, что репетиции сразу пошли успешно. Дирижер оркестра, чуткий и опытный музыкант Роберто Кински, — пламенный поклонник Чайковского, музыка которого в Аргентине популярна необычайно. Рахманинова же аргентинцы помнят по его неоднократным личным выступлениям.

Первые дни нашего пребывания в Буэнос-Айресе совпали с большими карнавальными празднествами: по улицам ходили раз-

раженные люди в масках, было много цветов, вина, веселья, шуток. Правда, далеко не каждый житель аргентинской столицы мог принять участие в карнавале: многим было не по карману взять напрокат костюм.

Буэнос-Айрес — город светящихся реклам, роскошных особняков, тенистых парков. Этот Буэнос-Айрес красив и великолепен. Особенно запоминаются: улица Рива-давиа, она тянется на 30 километров; центральная площадь — площадь Девятого июля, где в 1920 году был воздвигнут обелиск в честь независимости страны; Майская площадь со старинным зданием Кабильдо. В парках города мы встречали неизвестные нам деревья, такие, как палоборрацию, или «пьяная палка», «бутылочное дерево», ствол которого сужается книзу. В парках всегда много гуляющей публики, наряды которой спорят с ярчайшими цветами экзотических деревьев. Но мы видели и другой Буэнос-Айрес — рабочий район Бока, промышленный район Авельянеда, где нет ни обелисков, ни дворцов, ни парков, где дома сделаны из фанеры и жестяных бидонов.

Богачи столицы проводят летний сезон в Мар-дель-Плата — курортном городе на берегу океана. Там над всем господствует огромное казино, где нам и предстояло дать первый концерт.

В Мар-дель-Плата на фестивале со всех концов мира съехалось много артистов. Среди кинозвезд, которых послал Голливуд, была даже давно уже не выступающая Мэри Пикфорд. Толпы «ловцов автографов» носились по курорту в поисках добычи. Одну нашу киноактрису, которая неосторожно ответила утвердительно на вопрос, не русская ли она, ловцы автографов вынудили спастись... в океане.

Мне запомнилась церемония представления делегаций, прибывших на фестиваль, — запомнилась по одной смешной детали музыкального характера. Это происходило в «Театре на свежем воздухе», рассчитанном на 15 тысяч зрителей. Каждой делегации посвящалась какая-нибудь национальная песня. Меня очень интересовало, какая песня предварит представление делегации СССР. И я была, разумеется, весьма обескуражена, когда этой песней оказалась... «Барыня». Вообще в Аргентине, несмотря на огромный интерес к советской культуре, и в частности музыкальной, существует превратное представление о нашей музыке. Мне часто задавали такие вопросы: «Популярны ли у вас «Очи черные»? Поют ли у вас «Бублички»? Чувствуется, что из-за слабой информации о Советском Союзе здесь иногда судят о нас по той «культуре», что сюда завезли белоэмигранты.

Наш концерт состоялся на третий день фестиваля, а до этого в «Театре на свежем воздухе» проходили два вечера аргентинского балета. Если первое отделение балетного спектакля, в котором давалась классическая «Шопениана», показалось нам малоинтересным, то второе отделение доставило много радости. Четверо аргентинцев с гитарами, в национальных накидках — «пончо» — исполняли аргентинские танцы в чрезвычайно стремительном, но очень четком ритме. Потом начались массовые танцы, так называемые карнавалито. Несмотря на то, что карнавалито состоит, по существу, из одного па, из него складывается огромное количество разнообразнейших фигур, то медлительных, то вихревых, создавая впечатление непрестанно меняющегося яркие узоры калейдоскопа. И еще мы увидели отлично переложенное на язык балета и талантливо исполненное равелевское «Болеро», в котором тему лейтмотива исполняла прекрасная танцевальная пара...

Пришел вечер нашего концерта. Сначала играл Д. Ф. Ойстрах. Потом выступили знаменитый итальянский тенор Тито Скипа и аргентинская певица, обладательница очень красивого голоса Элен Аризмэнди. Вот очередь выходить на сцену мне. Волнение усиливалось еще потому, что я не знала, на каком инструменте буду играть. Нужно пояснить, что ни в Аргентине, ни позже, в Уругвае, мы не видели ни одного специального концертного зала. Концерты происходят или в помещениях театров или в залах кино. Поэтому нет и специальных концертных инструментов. Концертант должен сам брать напрокат рояль в одном из музыкальных магазинов. Плату за прокат у него потом вычитают из гонорара. Мне тоже впоследствии приходилось арендовать рояль, однако на первом концерте эту задачу любезно взяли на себя

устроители фестиваля. Смушало, что рояль для меня был взят из... курортного казино. Но это оказался первоклассный «Стенвей».

Я взяла первые аккорды и сразу успокоилась. Первый концерт на другом полушарии, бесконечно далеко от твоей родины, необычайность сцены, зала, шум океана, от которого вы отделены только тонкой перегородкой, звуки улицы, проходящей рядом со зрительным амфитеатром, люди, облепившие деревья и балконы (в тот вечер вместо 15 тысяч зрителей нас слушало 40 тысяч), — все это создало неповторимую, волнующую атмосферу. Но было и другое: хоть и стояла в открытом театре совершеннейшая тишина, но чувствовалась холодноватая внимательность зрителей первых рядов, оставивших на сегодня игровой стол в казино для «сенсационного» концерта. Несколько кинозвезд из тех же первых рядов смотрели прищуренными глазами, все выдавшими в подлунном мире. И, тем не менее, наш концерт удался. И Ойстраху и мне долго аплодировали, нас шумно провожали.

Один из особенно приятных для нас концертов состоялся вскоре в Буэнос-Айресе, в парке Сентенарио. Вход был бесплатным.

Концерты в Аргентине из-за дневной жары начинаются поздно, в десять часов вечера, но люди стали занимать места еще с утра. Мы играли в сопровождении того же оркестра, обстановка и на этот раз была необычной: огромный открытый парковый амфитеатр, деревья, освещенные прожекторами, похожие на яркие декорации. Но во всем с самой первой минуты чувствовалась какая-то сердечность, интерес не к сенсационности концерта, а к содержанию нашего выступления, глубокая симпатия к нам как к представителям советской куль-

туры. Я никогда до этого не встречала на концертах такого восторженного приема, таких оваций. После каждого номера в парке звучали возгласы: «Да здравствуют советские артисты! Мир и дружба с Советским Союзом!»

Вскоре мы отправились в поездку по стране. Я давала концерт в Кордобе. Этому старинному городу 400 лет; он был некогда главным иезуитским центром страны. Концерт состоялся в театре имени генерала Сан-Мартина, национального героя, возглавлявшего освободительную борьбу против Испании.

После поездки по степи в Кордобе мы вступили в область живописных гор, особую прелесть которых составляет множество высокогорных озер. Потом мы вновь вернулись в низину, в пампы, направились в Росарио, второй по величине город Аргентины. В пути мы видели огромные пространства пустующей земли (за всю дорогу встретились нам всего три трактора). После концерта в старинном университетском городе Санта-Фе мы вернулись в Буэнос-Айрес через индустриальный район страны. И здесь бездымные трубы фабрик, пустующие нефтяные вышки.

В городе Ева Перон (прежде Ла-Плата) нас исключительно тепло встретили студенты университета. Некоторые из них побывали на фестивале молодежи в Бухаресте и рассказывали, что до сих пор сохранили прекрасные воспоминания об увиденном там. У одной девушки я увидела на груди наш комсомольский значок, подаренный ей советскими студентами. Молодежь пела песни, услышанные в Бухаресте, песни о Робсоне, о мире. Одна из песен заканчивалась припевом на русском языке.

С аргентинской фольклорной музыкой нам пришлось познакомиться еще в Кордобе, на даче большого ценителя музыки и активного участника борьбы за мир, доктора Сорина. Группа молодежи всю ночь пела и танцевала

для советских музыкантов. Тут я услышала чистые звуки старинной индейской флейты — кинэ, протяжные стоны миниатюрной аргентинской гитары чаранго, сделанной из панцыря животного киркинчо. Я услышала песни пампы, характерные протяжностью и заунывностью, которые свойственны обычно мелодиям, рождающимся в безбрежной степи. Исполнялись и горные песни, ритмически гораздо более острые, темпераментные... Мне запомнился танец индейцев Севера. Ведущий танцор изображает подымавшегося индейца; движения его, резкие и грубоватые, повторяет группа. Любители сохранили неприкосновенным народный элемент танца, передавали песни так, как исполняют их в народе. Позже мне приходилось в Буэнос-Айресе слышать народные песни в профессиональном исполнении — и прелесть исчезла: стилизаторство, эстрадное «штукарство» заменили глубокую эмоциональность подлинного фольклора.

К моменту выступления в Санта-Фе Ойстрах и я разучили несколько произведений аргентинских композиторов и включили их в программу концерта. Публика бурно приветствовала исполнение родных мелодий советскими артистами. Я разучила два номера: «Приятный вечер» прогрессивного композитора Карлоса Гуаставино и «Танец жрецов» Люиса Миличи.

Вернувшись в Буэнос-Айрес, мы выступили в знаменитом театре «Колон», куда приезжают гастролеры со всего света. Дирекция театра организовала абонемент из четырех концертов: двух Ойстраха и двух моих; все они прошли с большим успехом. У меня была обширная программа, в которую я включила, кроме классиков мировой и русской музыки, произведения советских композиторов, свой концерт для фортепиано с оркестром, а также свои этюды для фортепиано. Интерес к современной советской музыке в Аргентине особенно велик. Идеи оптимизма и гуманизма,

которыми наполнена советская музыка, волнуют аргентинский народ, как, впрочем, и все народы мира. Аргентинская публика очень горячо приняла исполнение произведений Прокофьева, Шостаковича, Хачатуряна. Музыка Хачатуряна особенно популярна в Аргентине. Она близка аргентинцам по своему колориту и яркому темпераменту.

С большим удовлетворением уходили мы после концертов. Поистине могучи сила музыки, язык ее, если они выражают передовые идеи! Гордость за свою профессию музыканта, профессию, которая служит прогрессу человечества, сближению между народами, делу мира, наполняла нас.

Нашу поездку по стране организовал Институт культурных связей «Аргентина — СССР». Приезд делегации советских киноартистов, музыкантов, а затем и шахматистов был подлинным праздником энтузиастов этого института, много сделавшего для распространения в Аргентине правды о СССР. Институт — одно из тех прогрессивных учреждений, которые ведут в Аргентине борьбу за мир. Борьба эта находит среди аргентинского народа все большее признание.

Проявило интерес к нам и аргентинское правительство, по приглашению которого мы приезжали. Мы были приняты президентом Аргентины генералом Хуаном Пероном. Прием прошел в дружественной обстановке. Президент высказал пожелание о дальнейшем развитии культурных связей между нашими странами.

Несколько концертов мы дали в столице Уругвая Монтевидео и в Пайсанду. Уругвайская публика горячо любит и хорошо понимает музыку. В Уругвае я познакомилась с пианистами Гуго Бальцо и Нибией Мариньо. Из бесед с этими молодыми музыкантами я узнала, что они не имеют возможности целиком посвятить себя музыке, а вынуждены в поисках средств существования заниматься посторонними работами.

На обратном пути мы провели сутки в столице Бразилии Рио-де-Жанейро. Нам очень хотелось посмотреть знаменитый своей красотой город, но в аэропорте заявили, что для этого нужно сделать... прививку оспы. Мы долго объясняли, что не можем рисковать, продлевая такую процедуру перед концертом. Нас пощадили. А вот нашему уважаемому аккомпаниатору Владимиру Ефимовичу Ямпольскому оспу привили. И она у него привилась. Но Рио-де-Жанейро стоит прививки. Как и Буэнос-Айрес, он полон контрастов. Рядом с красивыми и нарядными домами — жалкие лачуги, люди ходят там в рубище.

...Передо мной лежат подарки аргентинских друзей — «пончо», серебряный кубок, из которого пьют отлично утоляющий жажду аргентинский чай — матэ, аргентинские народные инструменты, ноты, пластинки. Впечатления от нашей поездки, может быть, найдут музыкальное выражение в будущих моих произведениях. Во всяком случае, я хочу познакомить советских слушателей, советских музыкантов с большой и своеобразной музыкальной культурой континента, народы которого проявляют такой жадный интерес к культуре нашей Советской страны.

На концерте советских музыкантов в Аргентине.

